

УДК 001.18

Р.В. Ткаченко, доцент, канд. филос. наук,**И.Ш. Шенгелая, доцент, канд. филос. наук***Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ АНТИУТОПИЙ**

Приводится классификация антиутопий по фундаментальным принципам их построения, рассматриваются явные и латентные функции антиутопических произведений, а также анализируется роль антиутопий в политологическом контексте.

Ключевые слова: антиутопия, утопия, социальные функции, социокультурная реальность.

Антиутопию следует рассматривать как направление, которое, в противоположность утопии, не только отрицает возможность построения идеального общества, но и исходит из убеждения, что любые попытки сконструировать «справедливый» общественный строй приводят к катастрофическим последствиям.

Стоит отметить, что корни антиутопии как литературного жанра кроются в творчестве Дж. Свифта, Вольтера и других писателей. Так, третья книга «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта, которая описывает жизнь на летающем острове Лапута, по сути своей представляет антиутопию, базирующуюся на технократических принципах.

Элементы антиутопии можно встретить в произведениях классиков фантастической литературы – Жюль Верна («Пятьсот миллионов бегумы») и Герберта Уэллса («Когда спящий проснётся», «Первые люди на Луне», «Машина времени»). Также из ранних антиутопий можно выделить «Железную пядь» Джека Лондона (1908), где изображено доминирование фашиствующей олигархии.

Вызывает интерес факт появления утопий и антиутопий в определённые исторические периоды. Так, для эпохи Возрождения было свойственно доминирование идей антропоцентризма и гуманизма. Именно в этот период на исторической сцене появляются «Утопия» Томаса Мора (1516) и «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы (1602). В них фантазия авторов изображает идеальные общества, которые могут выступать в качестве социальных ориентиров. В период Нового времени, в «Новой Атлантиде» (1627) Френсис Бэкон также описывает общество благоденствия, базирующееся на идеях доминирования науки и техники.

При анализе же хронологии антиутопий, можно убедиться в том, что как их основная масса, так и наиболее значительные из них (например, «Мы» Е. Замятина, «1984» Д. Оруэлла, «О дивный новый мир» О. Хаксли) появляются в критические периоды XX века. «Неудивительно, что будущее помрачнело и поддерживать идеи неограниченного прогресса всё более нелегко. Например, в конце XVIII века и в веке XIX технология вообще ассоциировалась с распространением экономического процветания и с освобождением человечества от беспрестанного тяжёлого физического труда. В течение XX века она уже была неотделима от воздушной войны и атомной бомбы» [1, с. 174-175]. Не исключено, что в количественном «всплеске» антиутопий находит выражение ощущение катастрофичности, которое доминирует в массовом сознании в определённые исторические моменты. В этом случае в обществе доминирует не вера в социальные идеалы, а глобальное разочарование в идеалах, соединённое с ощущением отсутствия исторической перспективы и подсознательной тягой к саморазрушению (возможно, именно этим объясняется сегодняшняя популярность постапокалиптических мотивов в литературе и кинематографе). Следовательно, антиутопические сюжеты в литературе становятся распространёнными именно в периоды, когда в обществе утверждается мысль, что сложившаяся социально-политическая ситуация утвердилась надолго и имеет явную тенденцию лишь ухудшаться в будущем, а людей не покидает ощущение отчуждения от участия в истории. В этом смысле антиутопические романы являются лишь естественной фиксацией царящего в социуме ощущения потерянности в сложившейся ситуации.

При классификации антиутопий по фундаментальным принципам их построения можно выделить: антиутопии, основанные на описании реального общества, но усиливающие те или иные его черты (как правило, негативные); антиутопии, в которых негативные последствия вызваны какими-либо прогрессивными новациями (чаще всего научного плана); антиутопии, базирующиеся на принципе альтернативной реальности (альтернативной истории); антиутопии, основанные на принципе искусственной реальности; антиутопии, базирующиеся на идее апокалипсиса.

В антиутопиях, базирующихся на описании реального общества с акцентированием его определённых черт, конструкт утопии выступает как ухудшенная реальность нынешнего общества. Зачастую, произведения такого рода могут обладать сатирической окраской (например, невообразимо искажённый город Глупов в «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина или коммунистическое

общество в «Москве 2042» В. Войновича). Стоит отметить, что гипертрофируемые черты не всегда являются негативными. Например, в «Если это будет продолжаться» Роберта Хайнлайна изображено государство, базирующееся на религиозных (христианских) основах, однако догматизация и беспредельная власть церкви превращают общество из «царства Божьего на земле» в безжалостную теократическую диктатуру. Потребительская активность, также являющаяся естественным явлением в современном обществе, в гипертрофированном виде превращается в инструмент дегуманизации (О. Хаксли «О дивный новый мир»). Одна из наиболее распространённых тем антиутопий такого рода – репрессивное государство и тотальный контроль над личностью («1984» Дж. Оруэлла, «451 по Фаренгейту» Р. Бредбери).

В антиутопиях, описывающих общества, в которых негативные тенденции вызваны какими-либо прогрессивными новациями, моделируется ситуация, в которой наука и техника, столь почитаемые утопистами прошлого, не только не улучшают жизнь социума, но и становятся причиной регресса либо глобальных катастроф. Например, идея создания искусственного разумного существа (перекликающаяся с современными тенденциями генной инженерии) получила полное фиаско в «Франкенштейне» Мэри Шелли и «Острове доктора Моро» Герберта Уэллса.

Своеобразным подвидом таких антиутопий, являются произведения, в которых рассматриваются проблемы машинизации социума либо создания искусственного интеллекта, на который возлагается функция управления обществом. В качестве примеров можно привести «Утопию 14» Курта Воннегута или «Звёздный гамбит» Жерара Клейна, где бразды управления социумом переданы гигантскому компьютеру. В подобных произведениях также рассматривается вероятность доминирования искусственного интеллекта, связанная с полным подчинением людей его воли.

В антиутопиях, базирующиеся на принципе альтернативной реальности (альтернативной истории) в качестве основных пунктов, генерирующих пространство произведения, выступают ключевые исторические события. В такой роли могут выступать процессы зарождения мировых религий, открытие и освоение новых территорий, рождение (или напротив – не рождение) выдающихся исторических личностей, исход конкретных сражений и войн.

В подобных антиутопиях, авторы изменяют ход реальных событий с точностью до наоборот, создавая, тем самым, альтернативу настоящему. В произведениях, созданных в жанре альтернативной истории, непременным элементом выступает изменение хода истории в прошлом. Привязываясь к конкретным событиям, как своего рода точкам бифуркации, ход исторических процессов здесь направляется по другому руслу. По фабуле подобных антиутопий, в определённый момент прошлого по какой-либо причине, происходит нечто отличное от происходившего в реальности. В результате этого изменения происходит «разветвление истории», т.е. события начинают развиваться по альтернативному пути. Действие в подобных антиутопиях может происходить в любое время (как в прошлом, так и в настоящем или будущем), но на происходящее значительным образом влияет факт изменения истории. Примером подобного подхода является роман Филипа Дика «Человек в высоком замке», изображающий мир, в котором победу во Второй мировой войне одержали Германия и Япония. Также к данному виду произведений можно отнести «Остров Крым» Василия Аксенова.

Антиутопии, базирующиеся на принципе искусственной реальности, отталкиваются в своих построениях от берклианского принципа субъективности ощущений. Данные антиутопии изображают мир, искусственно генерируемый при помощи различных инструментов в индивидуальном или массовом сознании. Для обозначения этого подхода Станислав Лем в своих работах «Сумма технологий» (1967) и «Фантастика и футурология» (1970) ввёл термины «фантоматика» (техника, генерирующая искусственную реальность) и «фантомология» (направление, исследующее последствия применения подобной техники). «Допустим, в мире, который является единственной реальностью для его обитателей, началось производство техники, позволяющей заменить эту реальность совершенной иллюзией. Прототипом может быть, к примеру, компьютер, имеющий обратную связь с человеческим мозгом. Такую технику мы назвали фантоматикой» [2, с. 213]. Самая существенная разница между фантоматикой и различными видами иллюзий заключается в обратной связи мозга с источником информации. Обратная связь не позволяет выйти за рамки предложенной фиктивной реальности. Таким образом, главное действующее лицо (или лица) в пространстве антиутопии ощущают искусственно формируемую реальность как настоящее. Стоит заметить, что появление фантоматики – это проблема более высокого порядка, чем развитие техники или её влияния на культуру. Воплотившись в реальность, фантоматика в состоянии элиминировать практически всю проблематику классической философии и физики с их вопросами об истине и структуре реальности. В подобном мире никто не может быть абсолютно уверен, что пребывает в реальности, так как новая технология ликвидирует подобные различия самим фактом своего появления. «Иллюзорность фантоматики человек, подвергающийся фантоматизации, может установить только путём сравнения с действительностью. Совершенно очевидно, что продолжительная фантоматизация делает такую оценку невозможной и неминуемо приводит к стабильным изменениям, которые никогда не возникли бы в реальной жизни человека» [3, с. 342].

Наиболее яркими примерами антиутопий, основанных на подобном принципе, являются «Три стигмата Палмера Эдрича» и «Убик» Филипа Дика, а также «Онирофильм» Лино Алдани. Данные произведения иллюстрируют возможные варианты инструментов фантоматики и спектр их применения. Так, в качестве фантоматического медиатора в «Трёх стигматах Палмера Эдрича» выступают галлюциногены, предназначенные для создания иллюзии полноценной социальной жизни у колонистов, осваивающих далёкие планеты. В «Убике» «абсолютно полноценная» искусственная реальность генерируется при помощи специальных устройств в сознании находящегося в коме человека. Довольно интересная ситуация моделируется в «Онирофильме» Лино Алдани. В этом произведении описывается упадок и вымирание цивилизации, представители которой сделали сознательный выбор в пользу более красочной и наполненной событиями искусственной реальности. Социальные институты, коммуникация, личные взаимоотношения – всё приносится в жертву искусственно генерируемому ощущению квазизжизни.

Антиутопии, как конструкции, отражающие катастрофичность и регресс не могли не обойти своим вниманием тематику апокалипсиса. У идеи конца света довольно длительная история, Его предрекали различные религии в соответствии с догматикой Откровения, например в виде Страшного суда. Порождённый пифагорейством интерес к магии цифр вызывал ажиотаж в ожидании наступления тысячного, а затем и двухтысячного года. С течением времени страхи метафизического характера сменились страхами перед творениями рук человеческих. В XX веке стала остро ощущаться дистанция между степенью технического развития цивилизации и глубиной понимания гуманитарных проблем. Именно этот период проиллюстрировал всю несостоятельность веры утопистов прошлого во взаимосвязь технического могущества и этики.

Подобное положение не могло не затронуть литературу. Возможно, постапокалиптической литературе можно отказывать в серьёзных художественных ценностях, но она затрагивает эсхатологические проблемы отнюдь не являющиеся фикцией. Поэтому, в современных условиях постапокалиптика (увы), ближе к истине и более реалистична, чем мифологические картины утопий прошлого. Стоит отметить, что тема глобальных катастроф и гибели человечества рассматривалась не только с помощью художественных образов, но и становилась предметом серьёзных научных исследований. В качестве примера, можно привести работы А. Азимова «Выбор катастроф. От гибели Вселенной до энергетического кризиса» и А.В. Турчина «Структура глобальной катастрофы», в которых авторы детально рассматривают вероятные причины гибели человечества.

Основным признаком постапокалиптики выступает развитие сюжета в мире (или локальной области), который обладает специфической историей. В прошлом рассматриваемая цивилизация достигла высокого уровня социального и технического развития, но из-за глобальной катастрофы пришла к упадку. Стоит отметить, что в литературе не существует единой структуры катастроф, и не только образный, но и значащий конструкт агонии цивилизации существенно изменяется в интерпретации различных авторов. Здесь мы можем встретить и агонию остатков человечества после Третьей мировой войны («Будет ласковый дождь» и «Чикагская бездна» Рэя Брэдбери), и всемирную пандемию, вызванную генетическими заболеваниями. Также рассматриваются сценарии глобальных катастроф, вызванных изменениями климата и, как следствие – вытеснение человечества биологическими видами, более приспособленными к выживанию в новых условиях («День триффидов» Джона Уиндема и «Теплица» Брайана Олдиса).

Стоит отметить, что возможно сочетание в пределах одного произведения различных фундаментальных принципов построения антиутопий. Так, в том же «Человеке в высоком замке» Ф. Дика, сочетаются принципы альтернативной истории с принципом глобального контроля над обществом.

Говоря о социальных функциях антиутопий, прежде всего, стоит отметить их предупредительную функцию. Базируясь на общих с утопиями принципах построения (доминирование какого-либо центрального мотива (достижение свободы, справедливости, счастья)), антиутопии изначально ставят перед собой диаметрально противоположные цели.

Рассматривая фундаментальные принципы построения утопий, можно отметить, что в своих интегративных картинах они изображают идеальное общество, выступающее в качестве вершины социально-политической эволюции. В антиутопиях, напротив, с помощью художественных средств, доказывается, что если подобное построение и будет осуществлено, оно всё рано будет противоречивым и далёким от идеала.

В антропологическом плане утопия, как правило, рисует картины духовного преображения человека в новом обществе. «Создание идеального общества приписывалось весьма отдалённым и вполне неопределённым временам, достаточно ярко свидетельствовало о неверии авторов утопии в возможность создать идеального человека немедленно и в результате вполне элементарных усилий людей текущего времени» [4, с.563]. Однако «человеческая единица» антиутопии – это подавленный индивидуум, находящийся под постоянным контролем, всемерно верящий официальной идеологии и

довольствующийся дешёвыми суррогатами счастья (материальными или псевдодуховными). Также характерной особенностью человека антиутопии можно считать отсутствие критического мышления, порождаемое информационной изолированностью. «Антиутопия XX века – это ужас мыслящего, интеллектуально независимого человека, перед потерей свободы. В XXI веке потеря интеллектуальной свободы, в том смысле как мы ее понимаем сегодня, человечеству уже не грозит. То есть каждый человек, особенно массовый, безусловно, будет несвободен, но это будет несвобода скрытая, проистекающая от недостатка знаний, от могучего воздействия средств массовой информации. Каждому человеку будет казаться, что он абсолютно волен в своих действиях, хотя на самом деле он будет легко управляем» [5, с. 3].

Анализируя влияние утопий на историю, можно отметить, что в определённые исторические периоды они служили в качестве ориентиров для социальных преобразований. Антиутопии, напротив, изначально стремятся изобразить социальную систему, к которой не стоит стремиться, либо, усиливая негативные тенденции, указывают на то, к кому состоянию может прийти человечество.

Кроме того, антиутопические конструкции отображают определённый катастрофический тип сознания и мышления, объективирующийся в полной деконструкции или искажении ценностных ориентиров. Антиутопия как прогностическая конструкция в негативном контексте практически лишает читателя надежды на позитивные изменения в социуме. Но элиминируя позитивный образ будущего, антиутопия, в тоже время, вступает с ним в конкуренцию и выступает как прогноз – предупреждение, изображая то, чего не должно быть. И так, как большая часть антиутопий является своеобразными вариантами трендовых прогнозов, то подобная алармистская манера повествования выступает в качестве инструмента формирования позиции о необходимости изменения вектора (или векторов) социального развития.

Однако, наряду с прогностическим моделированием картин неидеального будущего, в антиутопиях можно выявить и наличие определённого спекулятивного компонента. Спекулятивный компонент в антиутопиях играет малозначительную роль при прогностической функции, но служит, скорее для созданий определённого антуража, своеобразных «декораций» в которых происходит действие. В таком качестве могут выступать выжженные радиационные пустыни в постапокалиптической апокалиптике, последствия глобальной экологической катастрофы или глобального изменения климата (Ф. Дик «Три стигмата Палмера Эдрича», «Водный мир» Дж. Балларда). Таким образом, иллюстрирование последствий негативных тенденций придаёт антиутопии большую степень реалистичности.

Помимо вышесказанного, стоит отметить, что в антиутопиях моделируются и историософские концепции. Так, антиутопии выдвигают весьма сложные и разнообразные модели восприятия и интерпретации истории. Здесь можно обнаружить: концепцию стабильного длящегося настоящего (характерно для произведений, описывающих общество, находящееся в состоянии социальной стагнации); концепцию изменяемого прошлого (данная концепция предусматривает активное воздействие на прошедшее время или на историческую информацию); концепцию конца истории (характерно для постапокалиптики); концепцию циклического времени; концепцию линейного стадийного развития социума; концепцию моделируемого будущего (свойственна для технократических антиутопий).

Данные концепции могут выступать во взаимосвязи. Так, в «1984» Д. Оруэлла концепция стабильного длящегося настоящего порождает изменяемое в информационном плане прошлое и моделируемое будущее. В «Граде обречённом» А. и Б. Стругацких концепция стабильного настоящего связана с длящимся концом истории. Однако некоторые концепции, исходя из особенностей их построения, являются несовместимыми (например, концепция циклического времени и концепция конца истории).

Концепции длящегося настоящего и конца истории полностью соотносятся с онтологическими принципами антиутопии. Будущее в этих построениях интерпретируется как естественное продолжение настоящего, лишённого каких-либо неожиданных метаморфоз. Однако понимание исторического процесса как завершённого в антиутопиях не всегда поддаётся явному осмыслению. Как и многие феномены социокультурной реальности антиутопических построений, этот факт обнаруживается с помощью неявных штрихов или смысловых допущений.

В концепциях изменяемого прошлого основным инструментом изменения картины прошедшего является постоянная корректировка исторических сведений. Изменение данных о прошлом выступает здесь как процесс стабилизации настоящего. Смысл данного процесса заключается в принципе: «Прошлое можно изменить» (Дж. Оруэлл «1984»).

Заслуживает исследовательского внимания и роль идеологии в хронотопе антиутопии. Однако данный вопрос необходимо рассмотреть в историческом контексте, выбрав в качестве антитезы идеологическую роль утопий.

Соціальні руху, що відбулися в кінці XVIII – початку XIX в., їх претензії на владу з необхідністю потребували і теоретичного обґрунтування їх ролі в суспільстві. І в даному випадку однієї «наукової» мотивації було мало: необхідно було обґрунтувати позицію, що цінності і ідеали, що прагнуть до соціальному перебудуванню групи є загальнолюдськими цінностями. Положення ідеології в даному випадку не є ідентичним положенню науки: у них різні генезис і функції. Парадоксальність ідеології полягає в тому, що ці «господарючі думки» і ідеї інтерпретуються як щось вічне і загальне. Виникненню і становленню ідеології, а потім і теорії ідеології в значительній мірі і сприяли утопії.

Гуманістичні цінності, одягнені в яскраву метафоричну форму утопії, мали вплив на формування ідеології, надавши їй моральний зміст. В утопіях, ідеї, пов'язані з модельними концепціями, виступають як тексти неких п'єс, ролі з яких і будуть виконувати пасивні, хоча і бажані кращі актори-люди.

Антиутопії створюють декількох іншу картину. Беручи за основу утопічні ідеї об ідеальному соціально-політичному устрої, вони ілюструють неможливість подібного побудови. Наприклад, в романі В.Ф. Гюґо «Попит на міражі», розглядаються ймовірні причини краху і загибелі Міста Сонця Томмазо Кампанелли, в тому випадку, якщо б цей утопічний проєкт був реалізований в дійсності. В якості таких причин виступають неперемінні властивості людської природи: алчність, прагнення мати більше матеріальних благ, ніж мають оточуючі, заздрість до чужого благополуччю. В результаті Місто Сонця перетворюється з утопії в антиутопічну конструкцію, де панує шахрайство, бідність і загальне доносивство.

Якщо соціальна структура і соціальні відносини є умовною сценою, на якій розгортаються основні дії, то ідеологія виступає в антиутопії своєрідним фоном, що допомагає розставити смислові акценти в діях. Ідеологія визначає загальне сприйняття антиутопії. Звичайно, ідеологія досить тісно пов'язана з ціннісною системою суспільства, однак вона виявляє себе і в специфіці свідомості і світосприйняття. Так, в якості партійних основ в «1984» Дж. Оруелла виступало двоємишля, виражене в партійних лозунгах: «Війна – це мир. Свобода – це рабство. Незнання – це сила» [6, с. 17].

Необхідно відзначити, ще одну, функцію антиутопій – провокативну. Провокаційність антиутопій повинна функціонувати як засіб попередження негативних (з точки зору автора) явищ і тенденцій. «Однак по мірі зміни систем цінностей від авторського часу до нашої сучасності і постсучасності, антиутопія скоріше провокує «передових мислителів» на спробу реалізації когось-то антиутопічної ідеї» [7, с. 148]. Наприклад, ідея Дж. Оруелла про всевидіння і абсолютної інформованості Великого Брата, створювалася в якості образу тотального контролю і придушення свободи особистості в суспільстві. Однак з часом, виникнення обширної системи видеонаблюдіння втілює цей антиутопічний прогноз в реальність. В «451 по Фаренгейту» Рей Бредбері описав в якості основного часпрепровождіння мешканців нескінченне спостереження телевізійних шоу, однак розвиток телекомунікацій, поява «мильних опер», поява такого жанру як реаліті – шоу, також втілює даний прогноз в реальність.

Антиутопія, таким чином, в певному сенсі, позбавляє надії на виправлення ситуації того, хто ввійшов в її смислове поле і провокує того, хто не сприйняв її як прогноз-предупредження. Наприклад, ідея про можливе штучне формування природи людини розглядалася в «О дивному новому світі» Олдоса Хакслі. Сьогодні ми вже можемо говорити про формуванні такого течія, як трансгуманізм, що розглядає духовну і біологічну природу людини не тільки як базу для подальшої еволюції.

Слід відзначити, що під впливом антиутопій в футурологічній літературі неодноразово піднімався питання про метаморфози людини як біологічного істоти під впливом генної інженерії, нейрофармакології і інших аспектів біотехнологічної революції. Наприклад, Френсіс Фукуяма в роботі «Наше постлюдське майбутнє» зробив спробу набросати образи подібного світу: «Постлюдський світ може бути більш ієрархічним і конкурентним, ніж наш сьогоднішній, а тому повним соціальних конфліктів. Це може бути світ, де втрачено будь-яке поняття «загальнолюдського», тому що ми перемішуємо гени людини з генами багатьох видів, що вже не будемо ясно розуміти, що таке людина. Це може бути світ, де середній людина буде жити далеко за другою сотню років, сівши в коляску в будинку похилої людини і викликаючи ніколи не йдущу смерть. А може бути, це виявиться м'яка тиранія на зразок описаної в «Дивному новому світі», де всі здорові і щасливі, але забули значення слів «надія», «страх» або «боротьба» [8, с. 308].

Бібліографічний список використаної літератури

1. Уілсон Д. Історія майбутнього / Д. Уілсон. — М.: АСТ, 2007. — 286 с.
2. Лем С. Фантастика і футурологія. Кн. 1 / С. Лем. — М.: АСТ, 2004. — 591 с.

3. Лем С. Сумма технологии / С. Лем. — М.: АСТ, 2004. — 668 с.
4. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения / А.Ф. Лосев. — М.: Мысль, 1978. — 623 с.
5. Стругацкий Б.Н. Арьергардные бои феодализма / Б.Н. Стругацкий // Литератор. — 1990. — № 9 (14). — С. 1–3.
6. Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор / Дж. Оруэлл. — Пермь: КАПИК, 1992. — 304 с.
7. Тузовский И.Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И.Д. Тузовский. — Челябинск: Челяб. академия культуры и искусств, 2009. — 312 с.
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2004. — 349 с.

Поступила в редакцию 25.06.2012 г.

Ткаченко Р.В., Шенгелая І.Ш. Принципи побудови і соціальні функції антиутопій

Наводиться класифікація антиутопій за фундаментальними принципами їх побудови, розглядаються явні та латентні функції антиутопічних творів, а також аналізується роль антиутопій в політологічному контексті.

Ключові слова: антиутопія, утопія, соціальні функції, соціокультурна реальність.

Tkachenko R., Shengalaya I. Formation principles and social functions of dystopias

Classification of dystopias on fundamental principles of its formation is conducted, explicit and cryptic functions of the dystopian works are examined, and the role of dystopias is analyzed in the political science context.

Keywords: dystopia, utopia, social functions, sociocultural reality.